...ЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Пров

1 илк
РСДРП
С
492

СТАЧКА

ПЬЕСА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ИЗЪ РУССКОЙ ФАБРИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

ЖЕНЕВА.

Типографія „Союза“. Genève, chemin de la Cluse, № 7.

1899

„Пров 38"
„Пров 19"

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Тулуповъ, милліонеръ, владѣлецъ большой прядильно-ткацкой фабрики.

Фабричный инспекторъ.

Тельцовъ, старшій мастеръ фабрики Тулупова.

Осипъ Васильковъ, рабочій 32 лѣтъ, ткачъ.

Еремка Гуляевъ, рабочій 28 лѣтъ, ткачъ.

Ѳедя Основательный, рабочій 39 лѣтъ, ткачъ.

Митька Веселый, рабочій 24 лѣтъ, ткачъ.

Молодой рабочій.

2-ой рабочій.

Лакеи фабриканта Тулупова.

Ткачи, прядильщики.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ промышленныхъ центровъ Россіи.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ
226119

СТАЧКА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Рабочая комната, очень бѣдно обставленная. На правой сторонѣ окно, около него большой столъ и два стула. Противъ сцены входная дверь, по лѣвую сторону которой стоитъ сундучекъ, а надъ нимъ вѣшалка, на которой виситъ картузъ и рабочая куртка. Противъ окна деревянная складная постель, а въ углу небольшая мазная печь.

При поднятіи занавѣса на столѣ стоятъ нѣсколько чашекъ и два трактирныхъ чайника, одинъ съ кипяткомъ, другой съ чаемъ. У стола, облокотившись локтемъ на столъ, глубоко задумавшись, сидитъ хозяинъ комнаты, рабочій Осипъ Васильковъ. Его красивое, смуглое лицо, обрамленное черною бородой и вьющимися кудрями, дышетъ энергіей и отвагой, а выразительные черные глаза устремлены вдаль и въ нихъ можно прочитать, что его волнуетъ что-то.

Сцена I.

Осипъ Васильковъ (*встрепенувшись*).—Который часъ уже?.. (*Вынимаетъ изъ жилетки серебряные большіе часы, смотритъ*). Десятый... Вотъ они уже должны скоро быть здѣсь... Сегодня необходимо придти къ окончательному рѣшенію: начинать ли стачку, или продолжать работу. Народъ здѣсь не такой, все еще деревенщины въ немъ много: что ни сдѣлай ему, все сноситъ, молчитъ... А теперь моментъ начать стачку, по моему, самый удобный... (*Слышны голоса и приближающіеся шаги*). А... вотъ и они... (*Встаетъ и подходитъ къ дверямъ. Входятъ трое рабочихъ въ рабочихъ блузахъ, усталые, блѣдные*).

Сцена II.

Тотъ же и Митька Веселый, Ѳедя Основательный, Еремка Гуляевъ.

Осипъ.—Здравствуйте, братцы!

Всѣ.—Здорово, Осипъ!

Осипъ.—Ну, что новенькаго принесли? а? Давайте, хлопцы, чай пить и обсуждать наше дѣло! (*Всѣ подходятъ къ столу, садятся—двое на стульяхъ, а Осипъ съ Митькой на сундучкѣ, придвинувъ его къ столу; наливаютъ чай и пьютъ*). Ну, выкладывай, ребята, у кого что на душѣ...

Ѳедя Основательный.—На душѣ-то, братъ, много, а вотъ выйдетъ-ли что изъ этого, ужъ не знаю!..

Митька Веселый.—Да чего киснуть-то, прости Господи!.. Вѣстимо выйдетъ, коли жить моченьки нѣтъ! Теперь всѣмъ такъ животишки подвело, такъ все нутро перевернуло, что на все пойдутъ...

Еремка Гуляевъ.— Еще бы не пойти!! Сейчасъ какъ жить-то можно, скажи на милость? Получали раньше шесть гривенъ въ день... не больно разживешься, я думаю, на это,—а теперь разцѣнки понизилъ на 10 коп., что же это? Хоть пропадай пропадомъ!...

Осипъ.—Да вотъ, давеча я встрѣтилъ Мишку-то Лазарева; знаете его что-ли? Ну такъ онъ съ подушками, самоваромъ въ ломбардъ направлялся. „Жить, говоритъ, не стало силъ!.. Дѣти отъ голоду пухлыя лежатъ, жена на сносѣ 8-мъ мѣсяцемъ, что подѣлаешь?.. Какъ прокормить-то одному шесть человѣкъ, да самъ седьмой, на 45-то копѣекъ?... Чтобы его, говоритъ, антихриста въ три погибели скрючило, загубилъ онъ и меня, и семью, іуда проклятый... убью я его, мерзавца“. А у самого такъ и льются слезы изъ глазъ...

Митька Веселый.—Да что толковать! Я теперь со многими говорилъ,—всѣ измаялись просто, и голову потеряли... Холостому еще такъ-сякъ, а женатый человѣкъ—хоть ноги протягивай. Человѣкъ 20 я знаю,—кончаютъ работу на фабрикѣ, а потомъ идутъ тюки

таскать до ночи, это намаявшись-то 10½ часовъ у станка! Теперь самое подходящее время для стачки... (*Потирая руки*). Ухъ, и припремъ мы его теперь, значится, такъ, чтобъ онъ понялъ, кто мы такіе! чтобъ зналъ онъ, что „не все коту масляница“, что и мы, рабочіе, умѣемъ требовать! Да, вотъ оно что!

Ѳедя Основательный (*спокойно*).—Такъ-то оно такъ, да только я, братцы, не вижу еще, какъ мы дѣйствовать-то будемъ? Что мы противъ него сдѣлаемъ? Резоны-то какіе у васъ, что онъ намъ подчинится... Покажите-ка мнѣ это?..

Осипъ (*воодушевляясь, вскакиваетъ и кричитъ*).—Да ты слушай, что говорю я... Вѣдь, понимаешь, мы забастуемъ, стачку устроемъ, убѣдимъ товарищей, чтобы работу всѣ побросали... Тогда фабрика станетъ, понимаешь ты? Время теперь горячее, мы выставимъ ему требованія наши, и онъ на нихъ долженъ будетъ согласиться, потому заплатитъ иначе большую неустойку, а если фабрика станетъ, къ сроку работа не поспѣетъ. Понялъ что-ли? Оттого-то я и говорю, что теперь нужно дѣйствовать, сильно работать, чтобы склонить товарищей къ стачкѣ.

Ѳедя Основательный.—Ну, ладно, положимъ что время удобное, что, можетъ, мы и заставимъ его пойти на уступки стачкой, да увѣренъ-ли ты, Осипъ, что рабочіе наши пойдутъ на стачку?.. вѣдь у насъ нѣтъ организаціи никакой, какъ же это вдругъ они забастуютъ? Затѣмъ, какъ же ты имъ объяснишь, что нужно устроить стачку? гдѣ соберешь-то ихъ?

Митька (*горячась*).—Чудной ты, Ѳедька, право... Сидишь ты со своими резонтами-то, какъ ракъ на мели! Гдѣ собрать? да что сказать? да удастся-ли поднять рабочихъ?.. Тьфу, точно баба, право... (*отплевывается*). Соберемся мы, значится, всѣ... вся наша братія, за заставою въ лѣсу... ночью что-ли, ну? Башка-то нашъ, значится, „ученый“ Оська, выйдетъ, да какъ зачнетъ имъ говорить красно, горячо, какъ умѣетъ онъ, какъ вотъ намъ говорилъ, такъ такая кутерьма пойдетъ,

прости Господи, что ты только держи ихъ, чтобы сейчасъ бить не побѣжали нашего пузача-то. Да, вотъ какъ дѣйствовать надо, слышь что-ли, бабье ты! Нешто жисть твоя сладкая, что церемонишься, а?

Ѳедя (*огрызаясь*). — Ну, ну, помалкивай, ладно, — не тебя спросилъ...

Еремка.—Нѣтъ, правду баетъ, Митька!.. Соберемся мы въ лѣсу-то, а ужъ „ученый"-то нашъ и зарядитъ въ нихъ и всѣ они пойдутъ за нимъ, потому промежъ насъ онъ самый что ни на есть башка и свое дѣло знаетъ.

Осипъ.—Будетъ вамъ ссориться-то, ребята! Нѣтъ, въ лѣсу намъ не собраться... Вы сгоряча-то позабыли, что у насъ правъ собираться нѣтъ, что правительство за нами зорко слѣдитъ, что стоитъ оно не за насъ, а за нашихъ хозяевъ, за капиталистовъ; значитъ, ежели мы соберемся въ лѣсу, насъ окружитъ полиція... она вѣдь многое знаетъ, что мы дѣлаемъ,—*наше правительство тратитъ огромную сумму денегъ на шпіоновъ*, чтобы слѣдить за нами и за всѣми хорошими людьми, что борются съ нами и за насъ. Да, говорю, полиція, значитъ, окружитъ насъ и тогда изъ дѣла нашего ничего не выйдетъ, а лучшихъ товарищей нашихъ заберутъ... (*Оживляясь*). А проще всего сдѣлать это иначе; составить прокламацію, воззваніе, значитъ, къ рабочимъ, чтобы работу-то побросали. Этакъ у насъ въ Питерѣ всегда практиковалось; въ ней мы выставимъ наши требованія и разбросаемъ ее по станкамъ, значитъ; и дѣло наше выгоритъ, потому и моментъ для насъ подходящій, да и народъ больно изстрадался и на стачку безпремѣнно пойдетъ... Давайте-ка обсудимъ еще разъ, какія требованія выставить намъ...

Еремка.—Первое дѣло: повышеніе разцѣнокъ—такъ процентовъ на 30.

Осипъ.—Да, это самое главное, затѣмъ введеніе 10-ти часового рабочаго дня, вмѣсто 10-часов. съ половиной.

Митька.—А на счетъ дачки-то? Пусть аккуратно намъ деньги платитъ два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа.

Осипъ.— И это дѣло. Вотъ и будемъ стоять на этихъ требованіяхъ, пока не уступитъ.

Ѳедя Основательный.— Ну, а насчетъ прокламаціи?!.. Какъ ее составить-то?.. Нужно ее этакъ обстоятельнѣе, сильнѣе, значитъ, расписать...

Осипъ.— А я вотъ составилъ. Я хочу прочитать вамъ ее, а вы скажите, хорошо-ли составлена?

Митька.—Составилъ ужо!.. Вотъ здорово!.. Прочитайка, братъ, прочитай!..

Осипъ *(доставая изъ бокового кармана прокламацію, развертываетъ ее и читаетъ).*

„Товарищи! До какихъ же поръ мы будемъ мучиться, страдать, молчать на всѣ угнетенія, на весь произволъ нашего хозяина?.. До какихъ поръ мы будемъ позволять себя обкрадывать, среди бѣла дня грабить? Оглянитесь на прошлое, посмотрите на теперешнее ваше положеніе, сравните его съ положеніемъ рабочихъ заграницей и даже съ положеніемъ нашихъ товарищей на другихъ фабрикахъ... Въ то время, какъ заграницей наши товарищи, благодаря совмѣстной борьбѣ, дружными усиліями, направленными противъ хозяевъ и противъ правительства (всегда и вездѣ играющаго на руку капиталистамъ) добились значительнаго облегченія своего положенія, мы почти бездѣйствуемъ, не боремся, не добиваемся улучшенія нашего существованія. И что же? Въ то время, какъ на западѣ рабочіе произвели революцію, свергли суровый порядокъ самовластія царей, добились свободы слова, печати, сходокъ, права выбирать депутатовъ, издающихъ законы въ парламентѣ; въ то время, какъ тамъ безпрерывной, энергичной и смѣлой борьбой они добились всего этого, добились сокращенія рабочаго дня до 9, 8-ми часовъ, повышенія заработной платы, о какой у насъ и не мечтаютъ рабочіе, улучшенія условій работы на фабрикахъ,—у насъ, на нашей фабрикѣ и на очень многихъ другихъ русскихъ фабрикахъ ничего этого нѣтъ. Только за самое послѣднее время наши рабочіе начинаютъ подниматься, начинаютъ

понимать, что имъ нечего ждать ни отъ своихъ хозяевъ, ни отъ правительства, покровительствующго фабрикантамъ; они поняли, что **имъ нужно надѣяться исключительно на себя,** что только сорганизовавшись всѣ вмѣстѣ, сплотившись въ одинъ сильный рабочій союзъ, что только борясь дружно, энергично, безъ отдыха, **всѣ за одного и одинъ за всѣхъ,** они смогутъ шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ лучшія условія жизни, и добьются въ концѣ концовъ такого же положенія, какъ заграничные рабочіе. Они начали понимать это, начали соединяться, организовываться, начали устраивать забастовки, т. е. отказывались работать и выставляли свои требованія. Они стали бороться за повышеніе заработной платы, за сокращеніе рабочаго дня, за отмѣну штрафовъ, за уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, за уменьшеніе работы для женщинъ, за запрещеніе принимать рабочихъ моложе 12—15 лѣтъ, за выдачу заработка два раза въ мѣсяцъ, за введеніе расчетныхъ книжекъ. И вотъ, большими, дружными и частыми забастовками наши рабочіе заставили правительство смотрѣть на насъ, какъ на людей, заставили признать въ насъ силу, способную отстаивать свои интересы, заставили издать законъ 2-го іюня 97 г., запрещающій работу болѣе $11\frac{1}{2}$ часовъ въ день, разрѣшающій сверхурочную работу только въ извѣстныхъ случаяхъ и т. д. Этотъ законъ сдѣлалъ облегченіе рабочимъ, но еще болѣе важенъ для насъ самый фактъ его изданія. Правительство начинаетъ считаться съ требованіями рабочихъ. Теперь мы, ткачи и прядильщики фабрики Тулупова, должны подняться на защиту своихъ правъ, должны соединиться въ общей забастовкѣ, должны воспротивиться пониженію разцѣнокъ, должны воспротивиться удлиненію нашего $10\frac{1}{2}$-часового рабочаго дня, что за послѣднее время практикуется нашими мастерами; мы забастуемъ и побѣдимъ!

До сдачи заказа остается всего 3 недѣли, работы не сдѣлано еще много; если мы забастуемъ, хозяинъ не успѣетъ къ сроку и заплатитъ большую неустойку. Онъ

долженъ будетъ уступить нашимъ требованіямъ, будемъ только держаться всѣ вмѣстѣ, не будемъ бунтовать.

Товарищи! Мы разойдемся по домамъ и завтра уже не явимся на работу; а хозяину пошлемъ своихъ выборныхъ съ нашими требованіями.

Мы требуемъ:

1) Повышенія разцѣнокъ противъ прежнихъ на 30 процентовъ.

2) Введенія 10-часового рабочаго дня, вмѣсто 10½.

3) Выдачи намъ заработка два раза въ мѣсяцъ, каждаго 1-го и 15-го.

Таковы наши ближайшія требованія, отъ которыхъ мы ни за что не откажемся. Поклянемся, товарищи, стойко и мужественно оставить работу и не начинать ея до удовлетворенія нашихъ требованій! И мы этого достигнемъ, потому что теперь насталъ удобный моментъ.

Будемъ всегда бороться вмѣстѣ, будемъ вѣрить въ свои силы!

Впередъ, товарищи! Завтра на работу не явимся, разойдемся по домамъ и спокойно будемъ ждать конца переговоровъ нашихъ выборныхъ съ хозяиномъ. Не будемъ громить фабрики и хозяйской квартиры, не будемъ давать повода полиціи хватать насъ, а будемъ только твердо стоять на выставленныхъ требованіяхъ и, увидите, мы побѣдимъ!

Итакъ, стачка, товарищи!

Да здравствуетъ рабочая партія!

Рабочій."

(*Складываетъ бумагу и усталый, взволнованный, смотритъ на товарищей*). Ну, что? нравится? Вотъ мы и начнемъ съ этой стачки нашу организацію и всегда, всегда будемъ неустанно бороться за освобожденіе наше. Только борьбой, упорной, энергичной мы можемъ добиться улучшенія нашего положенія; теперь, при томъ самодержавіи, которое у насъ царитъ, главное наше оружіе — стачка... пока у насъ нѣтъ ни свободы

слова, ни права собираться и громко заявлять свои требованія.

Ѳедя Основательный.—Эхъ, братъ, какой ты разумный, право... Эта штука подѣйствуетъ, вѣрно.

Еремка.—Спасибо, Оська, давай лапу твою (*пожимаетъ ему руку*). Вотъ такъ ловкачъ ты на всякія такія штуки!

Митька.—Инда въ дрожь меня бросило отъ твоихъ словъ... Ай да, говори, что дѣлать мнѣ?

Осипъ.—Вотъ вы придете завтра за прокламаціями ко мнѣ, а послѣ завтра, значитъ, осторожно, чтобы васъ никто не увидѣлъ, разбросайте ихъ всюду по станкамъ; а сами отъ себя, и я тоже, будемъ увѣщевать рабочихъ бросить работу, выбрать делегатовъ и разойтись по домамъ.—Ладно, что-ли?

Митька.—Ладно, конечно!

Осипъ.—Ну, прощайте, значитъ, до завтра... Помните же, что мы должны всѣ дружно работать и убѣдить ихъ на стачку!

Всѣ.—Прощай, Осипъ! (*Выходятъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ фабриканта Тулупова, очень богато обставленный. По лѣвой сторонѣ у окна большой, красивый письменный столъ, на которомъ въ порядкѣ лежатъ кипы бумагъ и разставлена масса бездѣлушекъ. По обѣ стороны стола двѣ стоячія серебряныя лампы. На противуположной сторонѣ огромнѣйшее, во всю высоту комнаты, мраморное зеркало, а возлѣ него, у стола и вдоль стѣнъ, стоятъ обитыя темнозеленымъ бархатомъ кресла съ золоченными спинками; входныя двери противъ сцены и боковыя двери, ведущія въ другія комнаты, задрапированы тяжелой, глухой шторой; въ углу—каминъ, въ которомъ тлѣютъ уголья; на каминѣ

часы изящной, рѣзной работы, имѣющіе видъ трехугольника. По стѣнамъ, обитымъ свѣтлорозовымъ атласомъ, висятъ, въ рамахъ изъ чернаго дерева, картины лучшихъ русскихъ художниковъ. Весь полъ устланъ огромнымъ мягкимъ ковромъ.

При поднятіи занавѣса у письменнаго стола въ глубокомъ креслѣ сидитъ Тулуповъ, а противъ него фабричный инспекторъ и старшій мастеръ Тельцовъ.

Сцена I.

Тулуповъ, фабричный инспекторъ, Тельцовъ.

Тулуповъ *(горячась, барабанитъ пальцами по столу)*.— Нѣтъ, вѣдь этакая пакость! Вѣдь придумать такую штуку тогда, когда приходится, какъ можно, больше работать, когда вотъ всего 2 недѣли у меня остается въ запасѣ, а они еще и половины работы не сдѣлали, п... вдругъ стачка... выставленіе требованій, понимаете-съ, да еще какихъ требованій!.. Вѣдь этакіе мерзавцы, негодяи... Послали своихъ делегатовъ, изложили свои требованія и вотъ уже недѣля, какъ фабрика стала. Они не хотятъ идти работать, несмотря на всѣ мои угрозы, на увѣщеванія... Я просто изумляюсь! откуда такая стойкость, мужество у этихъ скотовъ?.. Прежде я могъ, что угодно, съ ними дѣлать,—они боялись меня, боялись лишиться своего заработка, а теперь?.. теперь они мнѣ еще угрожаютъ! говорятъ, что ни въ какомъ случаѣ не уступятъ мнѣ ни въ чемъ и до тѣхъ поръ не пойдутъ на работу, пока я не выполню, что они потребовали... а? Что вы скажете?.. Вы понимаете, что каждый день, каждый часъ, что фабрика стоитъ, я теряю огромную сумму... Я кипячусь, негодую, волнуюсь.... я по ночамъ не сплю.... а они, прохвосты, и въ усъ не дуютъ! разошлись себѣ по домамъ и знать ничего не знаютъ. Исполни, молъ, то, что просимъ, а тогда снова пойдемъ на работу *(вскакивая)*... Нѣтъ, сейчасъ буду телефонировать губернатору прислать сюда немедленно же войско... я ихъ силою заставлю пойти на работу...

я имъ покажу, что даже и теперь я съ ними справлюсь *(хочетъ пойти телефонировать)*...

Фабричный инспекторъ.— Стойте.... не торопитесь.... успѣемъ еще послѣ... это всегда мы сможемъ сдѣлать...

Тулуповъ *(прерывая его)*.—Да говорятъ же вамъ, что я теряю громадныя деньги... мало того, я теряю довѣріе... я лишаюсь на будущее время работы!..

Фабричный инспекторъ.—Поэтому-то и не нужно войска, а нужно, какъ можно, скорѣе успокоить ихъ. На такія вещи нужна политика-съ! нѣтъ, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ послѣдній шагъ, попробуемъ ихъ уговорить снова взяться за работу; обѣщаемъ имъ, что мы разсмотримъ ихъ просьбы, а пока пусть становятся на работу; затѣмъ, когда заказъ будетъ оконченъ, можно будетъ все оставить по прежнему или сдѣлать имъ небольшую уступку въ чемъ-нибудь. Пусть тогда бастуютъ!.. тогда вы уже и не боитесь ихъ, да и у нихъ пропадетъ вѣра и желаніе снова протестовать. Да-съ, все, это, сударь мой, нужно обдѣлывать тонко, политично, тогда и порядокъ будетъ у насъ и мы всегда будемъ оставаться въ наградѣ-съ *(іезуитски улыбается)*.

Тельцовъ *(заискивающе)*.—Смѣю сказать, если позволите.. здѣсь у насъ всю эту комедію заварилъ этотъ... знаете... нахалъ... Осипъ Васильковъ... это такой прохвостъ, съ позволенія сказать, и такое вліяніе среди нихъ имѣетъ, что вся стачка только имъ и держится...

Тулуповъ.—Да, да, это дѣйствительно опасный и дерзкій человѣкъ... Онъ уже приходилъ ко мнѣ въ качествѣ делегата и я узналъ, что это за птица. *(Обращаясь къ фабричному инспектору)*. Вы говорите обождать еще, но вотъ, если заарестовать всѣхъ вожаковъ этой сволочи, тогда дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе, они мигомъ приутихнутъ... Впрочемъ, полиція уже извѣщена и не сегодня, завтра начнутся аресты...

Тельцовъ *(осклабясь)*.—Это Вы, Семенъ Егоровичъ, вѣрно изволите говорить *(оглядываясь по сторонамъ)*; доподлинно извѣстно-съ, что все это дѣло орудуетъ

Осипъ Васильковъ и еще нѣсколько человѣкъ (*снова оглядываясь и потише*); вчера, послѣ Вашего разговора съ нимъ, онъ ихъ собралъ и убѣждалъ продолжать стачку... Теперь вотъ они снова послали его къ Вамъ и онъ долженъ скоро придти сюда...

Тулуповъ (*горячась*).—Я ихъ не приму... съ лѣстницъ прикажу спустить скотовъ... Нѣтъ, я сейчасъ буду телефонировать... Безъ войска дѣло не обойдется...

Фабричный инспекторъ (*перебивая его*).—Нѣтъ, это вы напрасно, примите ихъ, не раздражайте теперь рабочихъ ничѣмъ, не трогайте никого. Обѣщайте имъ все исполнить, если они пойдутъ на работу... Дѣйствуйте политично, умно, и тогда увидите, какъ мы выиграемъ!..

Шумъ за дверью. Входитъ лакей.

Сцена II.

Тѣ же и лакей.

Лакей.—Васъ тутъ, баринъ, делегація, значитъ, отъ рабочихъ спрашиваетъ. Прикажете принять?

Тулуповъ (*блѣднѣя*).—Видите, пришли. (*Обращаясь къ лакею*). Впусти ихъ.

Лакей.—Слушаю-съ.

Отворяетъ дверь. Въ комнату, въ рабочихъ блузахъ, съ картузами въ рукахъ входятъ: Осипъ Васильковъ, Митька Веселый и старый, сѣдой рабочій. Всѣ трое кланяются и останавливаются у дверей.

Сцена III.

Тѣ же и рабочіе.

Тулуповъ (*стараясь подавить волненіе*).—Здравствуйте! Я очень радъ, что вы пришли... Вы, вѣроятно, хотите сказать, что пойдете на работу? Что же? это очень разумно... Будемъ лучше жить въ мирѣ... будемъ уступать другъ другу...

Осипъ (*дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ, перебиваетъ его*).—Нѣтъ-съ, не съ повинной къ вамъ пришли мы,

а снова объявить вамъ отъ имени всѣхъ рабочихъ, что ни отъ какихъ, раньше выставленныхъ, требованій мы не откажемся, а присоединяемъ еще одно требованіе: мы требуемъ немедленнаго удаленія старшаго мастера Тельцова. (*При этихъ словахъ Тельцовъ какъ-то ежится, и смотритъ на Тулупова. Тулуповъ вскакиваетъ въ волненіи*).

Тулуповъ.—Послушайте!! (*грозя Василькову*). Вы берегитесь!! Я знаю, что все это вы здѣсь сдѣлали, что вы подняли противъ меня рабочихъ, и вамъ будетъ скверно за это... Вашихъ требованій я не исполню, да-съ!.. Знаю я васъ всѣхъ, мерзавцевъ, очень хорошо!! сдѣлай только одну уступку, такъ вы и на голову сейчасъ сядете (*успокаиваясь*). Развѣ вамъ плохо живется? Развѣ я не радѣю о васъ? не забочусь о вашемъ здоровьѣ, объ улучшеніи вашей жизни? Если бы я не принималъ вашихъ женъ и дѣтей на работу, вы бы подохли всѣ, какъ собаки, а вы еще упорствуете, угрожаете мнѣ. (*Осипъ перебиваетъ его и кричитъ*).

Осипъ.—Такъ это Вы о насъ заботитесь? Вы, который живете въ палатахъ, въ то время какъ мы мремъ отъ голоду, терпимъ холодъ и нужду, не можемъ одѣвать и учить своихъ дѣтей? Вы, который морите нашихъ женъ и дѣтей ночными работами, возвращаете ихъ намъ опозоренными, слабыми, больными?!. (*Тулуповъ нервно сжимаетъ кулаки и бѣгаетъ по комнатѣ*). Пойдите, поглядите на всѣхъ насъ... и скажите: есть-ли среди насъ здоровые люди?.. это все Вы, Вы ихъ искалѣчили!.. Мы работаемъ на васъ не жалѣя ни силъ, ни здоровья, ни женъ, ни дѣтей, а какъ только мы, какимъ-либо путемъ, по Вашей же винѣ, изувѣчимъ себя, состаримся... Вы выбрасываете насъ вонъ... „иди, молъ, теперь ты намъ не нуженъ болѣе“... пропадай, значитъ, какъ собака... Да! Вотъ она... **Ваша забота!..** хороша!.. (*Онъ вдругъ какъ бы что-то вспоминаетъ и говоритъ желчно*). Ну, ладно, значитъ... такъ и передадимъ ваши слова нашей братіи... честь имѣемъ (*онъ киваетъ головой и рѣшительно идетъ къ дверямъ*).

Тулуповъ (*останавливая его*).—Постойте... съ вами у меня будетъ короткій разговоръ, а рабочимъ скажите, чтобы всѣ завтра съ утра собрались на фабричномъ дворѣ и я самъ съ ними говорить буду. Слышите? такъ и скажите! Пусть они еще разъ подумаютъ, а я имъ дамъ окончательный отвѣтъ завтра. (*Поворачивается къ нему спиной и идетъ къ столу. Осипъ съ товарищами выходятъ*).

Сцена IV.

Тулуповъ (*ходитъ большими шагами по комнатѣ*).—Этакій негодяй, а? какое нахальство?! Какая дерзость?!.. Здѣсь, въ моемъ домѣ и *со мной*, понимаете, *со мной* говорить такимъ тономъ!!.. (*Обращаясь къ Тельцову*). Сегодня же выдать ему слѣдуемыя деньги и отпустить его скота!..

Тельцовъ (*радуясь*).—Вотъ это самое первое дѣло, это все онъ здѣсь сочинилъ. Теперича все успокоится.

Фабричный инспекторъ.—Вотъ и хорошо, Семенъ Егоровичъ! Вы ихъ собирете и убѣдите, обѣщайте все. А войска не нужно. Такъ оно лучше выйдетъ! А его, этого мерзавца, выкиньте съ Богомъ, а ужъ полиція найдетъ ему достойное мѣстечко...

Тулуповъ (*съ ожесточеніемъ*).—Нѣтъ, мнѣ придется теперь уступить имъ, чтобы не потерять всего. Завтра же имъ объявлю, что согласенъ на ихъ требованія и чертъ съ ними... Ничего!.. я свое потомъ наверстаю... мое не уйдетъ!.. я ихъ штрафами дойму... А теперь... дѣлать нечего... сдаюсь.

Фабричный инспекторъ.—Ну, я очень радъ, что все такъ обошлось. Значитъ, я уѣзжаю теперь. До свиданія, Семенъ Егоровичъ! Я очень радъ, очень! Напишемъ рапортъ, что „все обстоитъ благополучно“. До свиданія! (*жметъ ему руку и уходитъ*).

Тулуповъ (*Тельцову*).—Васъ я, конечно, оставлю. Наблюдайте по прежнему за ними, а въ будущемъ мы должны вознаградить себя за эту уступку. Пускайте

все въ ходъ: штрафы, худшаго качества пряжу, и... выйдетъ дѣло. Если не мытьемъ, такъ катаньемъ... Да васъ и учить нечего, вы вѣдь опытный у меня по этой части (*смѣется*).

Тельцовъ (*съ гордостью*).—Рады стараться. Ужъ будьте спокойны, Семенъ Егоровичъ! Ну, а какъ съ Осипомъ-то Васильковымъ!.. Сейчасъ его разсчитать что-ли?

Тулуповъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Я раздумалъ... это возмутитъ рабочихъ. Теперь пусть все уляжется, пусть снова пойдутъ на работу, а послѣ мы и прогонимъ его,—тогда уже они ничего не потребуютъ. Теперь нужно, дѣйствительно, стараться ничѣмъ не раздражать рабочихъ. Я даже сегодня буду въ полиціи и попрошу съ арестами обождать до окончанія стачки, а потомъ мы выдадимъ имъ всѣхъ зачинщиковъ.

Тельцовъ.—Понимаю-съ! Будетъ такъ сдѣлано! Прощайте, Семенъ Егоровичъ! (*низко кланяется и уходитъ*).

Тулуповъ.—До свиданія!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большой, широкій фабричный дворъ. Противъ сцены высокія, дубовыя, съ желѣзными перекладинами ворота, которыя каждый разъ открываются и впускаютъ рабочихъ, приходящихъ небольшими группами и по одному. Во дворѣ собралось уже много рабочихъ, которые раздѣлились на кучки и оживленно толкуютъ о томъ, что теперь произойдетъ. Влѣво во дворѣ, ближе къ воротамъ, стоитъ небольшая кучка рабочихъ, которую Осипъ Васильковъ въ чемъ-то убѣждаетъ. Постепенно вокругъ него группируются и другіе рабочіе. На блѣдныхъ, измученныхъ лицахъ у всѣхъ написано какое-то волненіе и страхъ.

Сцена I.

Голосъ изъ толпы.—А что, Осипъ, какъ ты думаешь:

кончится сегодня вся эта канитель? Вѣдь уже силъ-то, поди, нѣтъ. Вторую недѣлю сидимъ, не ѣмши! Ты сказывалъ давеча: ждите, требуйте и наша возьметъ! Не видать, братъ, всего этого. Тебѣ хорошо, какъ жонки и дѣтей нѣтъ, а намъ-то каково, поди?

Другой голосъ.—Нѣтъ, братцы, больше ждать не того... не годится... Ежели сегодня не дастъ намъ хозяинъ отвѣта, пойдемъ работать... Противъ рожна, значитъ, не пойдешь, что и говорить! Не было у насъ доселѣ такого зла... Всѣ, знай, жили себѣ помаленьку, да потихоньку, работали и все ничего было, а теперь... послушались мы нашего „умника“ и жить стало невмоготу, хоть умирай...

Толпа волнуется, раздаются голоса: Вѣрно, вѣрно! идемъ на работу!

Третій голосъ.—Говорилъ вамъ, ребята, не нужно бросать работу! Все это чепуха съ масломъ, да-съ! И „умникъ“ нашъ на мели теперь, какъ ракъ сидитъ. *(Гнѣвно).* Ну, сказывай, теперь давай намъ рѣшительный отвѣтъ, что говорилъ хозяинъ. Антимонію не разводи, не надыть ее намъ!..

Толпа еще больше волнуется. Раздаются крики: Пусть скажетъ!.. Довольно ждать!.. Говори философъ!.. *Толпа все растетъ и растетъ.*

Оспипъ (*спокойно и сильно*).—Стыдно, товарищи! стыдно вамъ должно быть!.. Развѣ я вамъ не сказывалъ, что сегодня хозяинъ дастъ намъ рѣшительный отвѣтъ? И увидите, что онъ исполнитъ все, что мы просили. Вы говорите: „мы мучаемся“, „не можемъ больше“, „идемъ на работу“, а развѣ что можно сдѣлать безъ усилій, труда, лишеній!? Вотъ мы всѣ работаемъ дни и ночи... мы живемъ, какъ собаки... умираемъ... мы больны почти всѣ, но зато мы нашей кровью создаемъ все богатство людей!! Они живутъ въ хоромахъ, ѣдятъ, пьютъ, они получаютъ ученость... А нашъ братъ?.. развѣ онъ не такой же человѣкъ, какъ всѣ они?.. развѣ намъ не нужно учиться самимъ? учить своихъ дѣтей? развѣ хорошо намъ живется?.. Нѣтъ!! Такъ будемъ

вседа возмущаться, будемъ всегда бороться за лучшее житье!.. Ничего не дается безъ борьбы!.. Вы теперь страдаете, зато сегодня увидите, что скажетъ хозяинъ... (*Черезъ толпу пробирается молодой рабочій и становится рядомъ съ Осипомъ Васильковымъ*).

Молодой рабочій.—Знаете, голубчики, это вѣрно сказано, что безъ борьбы ничего не получимъ и вѣчно, какъ свиньи, будемъ жить! Вотъ я примѣрную книгу недавно прочиталъ, такъ тамъ такія вещи разсказываютъ, что чудно какъ-то... а все же правда въ ней!.. Знаете это въ заграницѣ, въ Бельгіи что-ли... есть такая страна, такъ тамъ рабочіе и домъ, значится, свой имѣютъ,—тамъ они обѣдаютъ, чай пьютъ, тамъ они собираются и промежъ себя, значитъ, разговоры разговариваютъ, какъ лучше бороться, чтобы лучше жить имъ; тамъ у нихъ и библіотека для чтенія, потому они работаютъ не такъ, какъ мы, а всего 9, 9½ часовъ, и читаютъ... такъ все у нихъ, точно люди они всѣ... а одѣваются какъ?!.. ихъ!!.. Какъ господа наши, примѣрно! А все отчего? Все потому, что боролись они, говорится въ книгѣ; они такъ же, какъ мы, жили раньше... Ей-богу правда! а теперь, гляди, что они имѣютъ! И правду, Осипъ, говоритъ, если будемъ всегда, значится, помнить, что наши товарищи въ заграницѣ имѣютъ и мы будемъ бороться, учиться!..

Другой рабочій.—Эвона, что сказалъ!.. Да рази у насъ, какъ у нихъ... Ты, вотъ, гляди, и собраться-то поговорить не можемъ, насъ сейчасъ заберетъ всѣхъ полиція, и теперь она уже вся на ногахъ, и все кишитъ возлѣ насъ, высматриваетъ, кого-бы сцапать... а тамъ-то... у нихъ какъ вольготно!.. Рай земной, право!.. Они и въ кіатру ходятъ, и газеты читаютъ, и всякую тонкую политику знаютъ, гдѣ, молъ, война, что на свѣтѣ бѣдомъ дѣлается!.. А люди, потому, они,—мы, говорятъ, такіе-же паны, какъ и ты, твое степенство, и такъ же жить хотимъ!.. не то, что мы, мужичье!.. Они кассы устраивали, чтобы, значится, помогать другъ другу; стачки устраивали, требовали позволенія соби-

раться и дѣла свои вести. У нихъ было такое же самовластье правительства, какъ и у насъ, но они его уничтожили,—царей прогнали; ну и законы въ свою пользу измѣнили... вотъ и намъ все это нужно у себя устроить, тогда и намъ житься лучше будетъ...

Голоса изъ толпы.—Правда все это! Вѣрно говорятъ они!...

Молодой рабочій.—Ну, а коли вѣрно, такъ нечего тутъ канитель разводить, что, молъ, трудно намъ, что Осипъ, молъ, виноватъ... Оттого и бороться нужно, что трудно такъ жить... а вы турусы разводите (*останавливаясь*). Глядите, ребята, хозяинъ съ Тельцовымъ идетъ... Ну, братцы, держись, не уступай ничего...

Толпа волнуется.—Ничего, конечно!.. Пусть уважитъ наши требованія!..

Сцена II.

Тулуповъ, Тельцовъ и рабочіе.

Тулуповъ становится на ступеньку лѣстницы, ведущей въ нижнее отдѣленіе фабрики; рядомъ съ нимъ Тельцовъ.

Тулуповъ (*дѣлаетъ рукою знакъ, что хочетъ говорить. Толпа умолкаетъ*).—Я пришелъ сказать вамъ окончательный свой отвѣтъ: я прошу васъ идти сейчасъ же на работу!

Раздаются свистки, брань, отдѣльные крики: Проваливай!.. какой шустрый?!.

Тулуповъ (*блѣднѣя, кричитъ*).—Я бы могъ васъ силою заставить работать, если бы захотѣлъ, знаете вы это?! Я бы могъ призвать войско и живо бы успокоилъ васъ... да я пожалѣлъ (*чей-то голосъ: Ишь, какой жалостливый!*); да... я подумалъ о вашихъ семьяхъ, о васъ самихъ... и... вотъ не сдѣлалъ этого!.. хочу миромъ съ вами кончить! Но могъ бы сдѣлать иначе, повторяю, потому что **войско всегда къ нашимъ услугамъ**...

Молодой рабочій.—Это извѣстное дѣло! Чего стращать-то!.. Отвѣтъ-то каковъ будетъ?

Тулуповъ что-то шепчетъ Тельцову. Тотъ киваетъ головой, вынимаетъ бумагу и карандашъ и записываетъ имена всѣхъ зачинщиковъ изъ рабочихъ, для передачи жандармеріи.

Тулуповъ.—Отвѣтъ таковъ будетъ: всѣ ваши требованія я вамъ обѣщаю исполнить послѣ сдачи заказа, а теперь... ступайте на работу и сегодня за это всѣмъ будетъ на водку! По рукамъ что-ли?! Вѣдь вамъ же хуже не работать, голодать будете!..

Осипъ.—Намъ хорошо извѣстны ваши обѣщанія и на нихъ вы насъ не заманите. Подайте намъ журавля въ руки! Мы требуемъ **исполненія нашихъ требованій**, а за обѣщанія — покорно благодаримъ!!

Тулуповъ (*блѣдныя и нервно сжимая кулаки*).—Какъ вы смѣете не вѣрить мнѣ?! Я обѣщаю и сдержу свое слово!

Чей-то голосъ изъ толпы.—Какъ вашей милости угодно, только мы требуемъ безпремѣнно теперича все исполнить!.. Такъ-ли ребята? *Голоса*: Да, да, теперь!.. Къ чорту собаку Тельцова!.. вонъ его!.. Къ черту мерзавца!..

Толпа волнуется, и Тельцовъ скрывается въ дверь фабрики.

Тулуповъ.—Вотъ вамъ мое послѣднее слово: я исполню теперь всѣ ваши требованія; жалованье будете получать два раза въ мѣсяцъ; разцѣнки увеличу на 30%, какъ просите... но и я требую уступить мнѣ... Вы просите уменьшить работу до 10 часовъ въ день... этого я сдѣлать не могу вообще, а теперь особенно, такъ какъ до сдачи заказа остается всего 2 недѣли. Этого вашего требованія я не исполню. Затѣмъ Тельцова я не удалю ни въ какомъ случаѣ. Вотъ вамъ мое послѣднее слово. Обсудите теперь его и черезъ полчаса дайте окончательный отвѣтъ. Я не уступлю больше ничего. Я жду отвѣта (*Тулуповъ уходитъ*).

Сцена III.

Толпа шумитъ. На лицахъ у всѣхъ видна радость. Всѣ довольны. Раздаются голоса: Ура!! Что-жъ, можно и уступить!!.. Добились своего!.. Кто-то кричитъ: А что, ребята, теперь не грѣхъ и за работу приняться?!

Молодой рабочій.—Вотъ видите, и наша взяла! Хоть и не совсѣмъ, а... все-же выиграли!.. А все потому, что такъ дружно стояли на своемъ!

Ѳедя Основательный.—Да, правда это. Да, мы теперь разумно, вишь, помаленичку, съ разсчетомъ вели наше дѣло, оттого и въ выигрышѣ!

Еремка Гуляевъ.—Эхъ-ма!! Ловко, чертъ!.. Ну, братцы, теперь и за работу весело взяться и погулять не грѣхъ.

Голоса изъ толпы.—Вѣрно! Вѣрно! Хоть и поголодали малость, да зато жисть наша лучше станетъ.

Митька Веселый (*хохоча*)—А что, толстопузый, въѣхало тебѣ, чертова кукла?! Будешь рыло кверху держать теперь?! Ха!.. ха... ха... Что? чья взяла?! Теперь мы сила, мы все могимъ теперь!.. И какъ это онъ шельма и виду не хотѣлъ показать, что боится, а у самого поджилки тряслись и подлая душа его въ пяткахъ была, небось!.. Ха, ха... Ахъ ты, шитое рыло, чертъ тебѣ въ зубы... Ха... ха... ха!... (*за нимъ смѣется и вся толпа*; *обращаясь къ Осипу*). Оська! другъ! чего-же ты молчишь, скажи намъ умное слово свое!

Осипъ (*откатливаясь*).—Дозвольте, товарищи, сказать вамъ нѣсколько словъ. На мой взглядъ теперь нужно идти на работу, и... согласиться на его требованія. Видите, кое-чего мы теперь добились. Онъ намъ больше ничего не уступитъ. Правда, мы будемъ помнить, что все это лишь маленькое дѣло по сравненію съ тѣмъ, что намъ нужно исполнить!.. Но не надо, товарищи, смущаться! Изъ мелочей мы завоюемъ крупное, а крупное для насъ—это: **свобода слова, право собираться обсуждать дѣла наши,** а это невозможно **безъ сверженія нашего врага—царскаго правительства.** Оно всегда противъ насъ и мы никогда не должны этого

забывать! Куда бы мы ни посмотрѣли—оно всюду намъ на дорогѣ. Поэтому, нашей дальнѣйшей и самой важной задачей будетъ: **политическая свобода.** Но до этого у насъ еще много работы и мы должны, какъ можно чаще устраивать стачки, выставлять требованія, изъ которыхъ самыя главныя: **8-ми часовой рабочій день и свобода сходокъ**, а для того, чтобы стачки наши были удачными, намъ нужно **заводить** повсюду, на всѣхъ фабрикахъ **кассы,** нужно организовываться, нужно учиться, чтобы знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, **заводить сношенія съ рабочими другихъ фабрикъ;** нужно твердо помнить, что нельзя бороться каждому отдѣльно и за свои личные интересы, нужно всегда соединяться и бороться за интересы всѣхъ и каждаго. **Сила наша въ нашемъ единеніи** и освобожденіе рабочихъ—это **исключительно наше дѣло!** Будемъ же, братцы, всегда помнить все это и распространять среди нашихъ товарищей, и шагъ за шагомъ мы добьемся всего! Теперь пострадаютъ, быть можетъ, нѣсколько нашихъ товарищей и я,—насъ арестуетъ полиція, потому что Тельцовъ записалъ наши имена и выдастъ насъ, но это только будетъ намъ служить еще разъ доказательствомъ, что нужно добиваться **сверженія царскаго произвола,** что сдѣлали уже наши товарищи заграницей!.. А теперь... за работу, братцы!!..

Толпа.—Ура!! Браво, Осипъ!! На работу!.. Дружно всегда!.. Ура!..

Рабочіе идутъ на фабрику и принимаются за работу.

Занавѣсъ.

III. Рабочая Библіотека.

П. Аксельродъ. Рабочее движеніе и соціальная демократія. (Разошлось). . . . . фр. —.—
С. Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ? (Второе изданіе). фр. —.30
Рѣчь П. А. Алексѣева. . . . . фр. —.15
В. И. Засуличъ. Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи. . . . . фр. —.15
Г. Плехановъ. Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ. (Разошлось). . . . . фр. —.—
Первое мая и адресъ петербургскихъ рабочихъ Шелгунову, съ предисловіемъ **Г. Плеханова.** (Разошлось).
П. Аксельродъ. Задачи рабочей интеллигенціи (Второе изданіе.). . . . . фр. —.50
Рабочій день, передѣлка съ польскаго. . . . . фр. —.30
Д. Кольцовъ. Машина. . . . . фр. —.50
Работникъ, неперіодическій сборникъ, № 1-2 . . . фр. 4. —
№ 3-4 фр. 3.—, № 5-6 фр. 4. —
Листокъ „Работника“. №№ 1, 5, 6, и 7 по . . . . фр. —.20
№ 2 фр. —.15, №№ 3-4 и № 8 фр. —.30, № 9—10 фр. —.50
Г. Плехановъ. Русскій рабочій въ революц. движеніи. фр. 1. 50
Д. Кольцовъ. Царское правительство и рабочіе. (Разошлось).
Д. Кольцовъ. Три закона. . . . . фр. —.50
Д. Кольцовъ. Законъ 2-го іюня. . . . . фр. —.60
Объ агитаціи, съ послѣсловіемъ **П. Аксельрода.** . . фр. —.60
Какъ министръ заботится о рабочихъ. . . . . (Разошлось).
Объясненіе закона о штрафахъ. . . . . фр. —.50
Мартовская революція въ Германіи. . . . . фр. —.25
Современная Россія. . . . . фр. —.50
Тайные документы о законѣ 2-го іюня 1897 г. . . фр. —.60
Задачи русскихъ соціальдемократовъ, съ предисловіемъ **П. Аксельрода.** . . . . . фр. —.40
Новый фабричный законъ . . . . . фр. —.40
Майскій номеръ „Рабочаго Дѣла“ 1899 г. . . . . фр. —.50
„Рабочее Дѣло“, Апрѣль, № 1. . . . . фр. —.75
Августъ, № 2-3 . . . . . фр. 1. 50
Программа органа Союза Рус. С.-дем. „Раб. Дѣло“. фр. —.20
Письмо къ московскимъ наборщикамъ. . . . . фр. —.20
Чему учитъ Никольская стачка. . . . . фр. —.20
Борьба витебскихъ рабочихъ за лучшую жизнь. . фр. —.20
Сибирякъ. Студенческое движеніе въ Россіи. . . фр. —.30
Рабочее дѣло въ Россіи. . . . . фр. —.80
Положеніе витебскихъ рабочихъ. . . . . фр. —.20

Складъ изданій при типографіи: Genève, chemin de la Cluse, № 7.